

ВЕЩИЙ ОЛЕГ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Зимние дни напоминали вечера, а вечера почти не отличались от ночей, потому что снега отражали луну и звезды, и над всем безмолвием лежали вечные сумерки. Сумерки и тишина, когда треск сломанной ветки тревогой отдается на много верст окрест, когда снег падает с шелестом и сам воздух наполнен звуками, застывшими до весны. И все привыкают к этой тишине — земля и небо, птицы и звери, и только человек способен нарушить державный сон природы.

Пятеро вооруженных всадников пробивались по заметенной лесной дороге в серых предутренних сумерках. За ними следовали розвальни, в которых, завернувшись в тулуп, полулежал юноша в рядной собольей шапочке. И все молчали, только изредка всхрапывали кони да поскрипывали полозья на выветренном насте. А вокруг лежал немереный лес.

Вскоре старший остановился, жестом указав в чащобу. Всадники молча спешили, а старший вернулся к оставшим саням.

— Дальше пешком, Сигурд, — сказал он. — Коней учует, распарены сильно.

Юноша сбросил тулуп, оставшись в длинной кольчуге с коротким мечом у бедра. Вылез из саней, похлопал меховыми рукавицами, подождал, пока неторопливо спешится старший. К тому времени один из воинов отвел к саням лошадей, а трое уже вошли в лес и споро начали рубить молодые ели.

— Не разбудим? — спросил Сигурд. — Ближе рубят.

— Не должны. Здоров хозяин, ежели по дыхалу судить.

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

Глубоко проваливаясь в снег, они прошли к темневшему густому ельнику. Миновали его и остановились перед огромным еловым выворотнем, укрытым наметенным за зиму сугробом.

— Тут, — понизив голос, произнес старший. — А вылезать будет попрание тебя.

Издали донесся мягкий перестук копыт, у саней игриво заржала лошадь. Воины перестали рубить и, глянув на старшего, стали пробираться к дороге. Топот приближался, и вскоре в редколесье показалось с десятков вооруженных конников.

— Это русы, — сказал старший. — Что им тут за надобность?

— Узнай.

Пока старший, проваливаясь в снег, выходил к саням, русы уже окружили их и подошедших спешенных воинов. Но все вроде складывалось мирно, никто не хватался за мечи, хотя голоса уже крепки.

— Они тоже за хозяином! — крикнул старший. — Говорят, раньше нас его отыскали!

— Здесь земля Великого Новгорода, — отозвался Сигурд. — Звери принадлежат князю Рюрику. Пусть ищут добычи в своих землях, или я расскажу об этой встрече их конунгу Олегу.

— Тут охотник из дома Олега! — В голосе старшего послышался смех.

— А здесь — я, воспитанник великого князя Новгорода Рюрика! — с раздражением крикнул Сигурд. — Пусть посмотрит на мою охоту, если желает поучиться!

Некоторое время у саней шли бурные споры, дважды ветерок донес тонкий мальчишеский голос. Потом русы дружно развернули коней и исчезли за поворотом. Воины вновь принялись рубить шесты, а к Сигурду подошел старший.

— Олегов приемщик. Румяный мальчишка. На первую охоту выехал, а тут — мы. Обиделся, даже губы задрожали.

— Я тут не ради охоты.

— Добудем. Не застыл? Может, тулуп принести?

— Лучше воев поторопи.

Воинов поторапливать не пришлось: они уже очищали сваленные ели от сучьев. Закончив работу, трое разобрали шесты и пошли к сугробу, что намело за выворотнем. По указанию старшего стали осторожно подниматься на него, шестами ища опоры.

— Готовы? Начнете, когда знак подам, — сказал старший. — Идем, Сигурд.

ВЕЩИЙ ОЛЕГ

Сигурд проверил, легко ли ходит меч в ножнах, проваливаясь, пошел за старшим.

— Видишь дыхало? — Старший указал на дыру в сугробе, откуда поднимался чуть приметный парок. — Где стать, сам прикинь, а вылезать будет здесь.

— Вижу. Вели поднимать.

— Буди хозяина! — крикнул старший, отступив в сторону и тоже проверив, как ходит в ножнах меч.

Воины начали глубоко протыкать шестами сугроб. Вскоре послышался глухой недовольный рев, снег заколыхался, задвигался. Воины, побросав шесты, поспешно попрыгали вниз.

— Рано тревожить бросили! — разозлился Сигурд.

— В самый раз, — успокоил старший. — Готовься.

Напротив Сигурда вдруг рухнул снег, обнажив черную пустоту, оттуда пахло звериным жаром, и огромная медвежья голова появилась в проеме. Секунду зверь принохивался, дергая черным носом, потом подобрался и, взревев, начал неспешно подниматься на дыбы. Сигурд отбросил соболю шапочку, оставшись в кольчужном наголовье, выхватил меч и в тот момент, когда зверь выпрямился, подняв лапы, бросился вперед, в его объятия, с разбега всадив меч по рукоять. Медведь заревел, облапил юношу, навалившись всей тушей. Сигурд устоял на ногах, с силой оттолкнув зверя, по кольчуге бессильно проскрипели когти. Зверь рухнул на бок, дергая лапами, застонал и замер. Сигурд вырвал меч из вздрогнувшей туши, отер кровь снегом.

— Будь здоров, Сигурд! — торжественно произнес старший. — Доброго хозяина повалил.

— Будь здоров! — эхом отозвались воины.

— Оттащите и разделывайте. — Сигурд поднял шапку. — Никак медведица? Кто-нибудь, проверьте, нет ли медвежонка.

Один из воев, перешагнув через медвежью тушу, начал рубить сучья, загораживающие лаз в берлогу.

— Желчь не проколите, — предупредил Сигурд. — Уф, жарко стало. А было знобко.

— Ступай в сани, тулупом укройся, — старший улыбнулся. — Пятого мечом берешь, а все, как первого. Печень и желчь я сам вырежу. Иди, иди, застынешь на ветерке.

Юноша молча побрел к саним. Ноги вдруг стали слабыми, он оступался в снегу, а сердце колотилось бурно и весело. Считанные мгновения схватки один на один с матерым зверем отбирали все силы, но

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

рождали в душе радостное торжество, и он был счастлив. Любопытно, как собирался брать медведя тот парнишка из дома Олега...

— Есть медвежонок! — крикнули у берлоги. — Сосунок еще, этого помета!

— Отвези его русам! Тому мальчишке, приемышу конунга Олега. Скачи, еще нагонишь!..

2

Чужими здесь были сумерки, как зима, а зима — бесконечной, как сумерки. Придавленные снегом леса замерли в ослепительном безветрии, будто морозы сковали сам воздух, а не только течения рек и течение времени, и ни путники, ни звери, ни птицы уже не встречались на берегах. Люди жались к очагам, птицы отлетели к жаркому солнцу, а звери ушли в чащобы. И все затаилось в ожидании, когда теплые ветры взломают льды и разнесут их по стремнинам рек и озерным плесам. Тогда опять застучат топоры, тогда спустят на воды лодьи, и мужчины начнут шумно готовиться к дальним походам, мечтая о золоте, рабнях и соли. И вновь вернуться в эти места грубые шутки воинов и протяжные песни гребцов.

Могучий старик в длинной, крупно вязанной рубахе неподвижно сидел в деревянном кресле перед низким оконцем, вглядываясь во мглу собственной памяти. Стянутые ремешком седые волосы открывали костистый лоб, острые бесцветные глаза утопали под низко нависшими бровями. Правая рука спокойно лежала на грубо рубленном столе, подле нее стоял тяжелый кубок, но Рюрик сегодня не прикасался к нему, застыв в той неподвижности, в какой застыла чужая безлюдная земля за маленьким оконцем.

Бесшумно вошел Сигурд в той же длинной, поцарапанной медвежьими когтями кольчуге и кольчужном наголовье, с мечом у бедра. Осторожно набросил на обвислые плечи старика подбитое мехом корзно*. Рюрик не шевельнулся, Сигурд отступил в сторону, но не ушел. Ему очень хотелось рассказать об удачной охоте, но он не решился нарушить молчание.

— Может быть, ты съешь печень, конунг? — тихо спросил он наконец. — На ночь я натру желчью твои суставы.

— Ты свалил медведя. — Рюрик не спрашивал, а делал вывод. — Я съем печень, когда ты будешь растирать мое тело. Так медведь скорее войдет в меня. Сними железо, от него веет холодом.

*Корзно — старинная верхняя одежда в виде длиннополой утепленной куртки.

ВЕЩИЙ ОЛЕГ

Сигурд подложил в очаг поленья и бесшумно вышел. И снова тишина, тяжкие сумерки и огромные пространства со всех сторон стиснули смятенную душу израненного варяга.

...Нет, Великий Один не оставит его только потому, что он уцелел в боях. Бог воинов сам прикрывал его своим невидимым щитом, сам наказал его старостью и болью во всех ранах и переломах. Сам оставил его наедине с вечными сумерками, чтобы он вспомнил все свои битвы, чтобы живым отчитался перед самим собой. И он должен воскресить свой путь, просеять сквозь воспоминания всю свою жизнь, ощутить заново восторг побед и горечь поражений. И тогда, очищенный, он войдет туда, где возле вечных костров пируют павшие в боях воины. Да, только так можно понять сон, который третий раз посетил его. И он правильно сделал, приказав сегодня наполнить кубок не славянским медом, не родным пивом, а священным напитком забвения. Он, конунг и князь Рюрик, обязан исполнить волю своего бога, ниспосланную ему в трехкратных сновидениях. Это будет непросто, но нет иного пути к кострам благословенной Вальхаллы...

Рюрик протянул руку, ощутив вдруг во рту давно забытый вкус горького напитка и опустил ее на прикрытые медвежьей полстью колени. Вспомнил и улыбнулся над тщеславием юности: он пил его молодым воином, мечтая стать конунгом, избранным за мудрость и отвагу. Но мудрость тогда еще не созрела, а отвага требовала доказательств. Как и все воины, он жевал сушеные мухоморы: это добавляло ему ярости, но он все же надевал кольчугу. Кольчугу снимали те, кто объявлял себя берсерком — медведем-воином: только им давался волшебный напиток. Они пили его перед битвой и бились обнаженными по пояс в первых рядах, не ощущая ни страха, ни боли. А после боя сутками отлеживались в шалашах, и тело их ломала нарастающая ярость. Тогда они и впрямь становились похожими на медведей, и их рычание пугало воинов. В их честь пели у костров, им доставалась лучшая доля добычи, ими громко восхищались, но не любили и побаивались, потому что берсерк мог убить и своего, если в его отравленном мозгу ни с того ни с сего вспыхивала обида.

Юность слепнет от славы, но он мечтал о власти и не ослеп. Путь к власти лежал через славу, и он, едва приручив меч, объявил себя берсерком, положив кольчугу к ногам конунга.

— Ты молод, — сказал конунг.

— Я стану взрослым после первой битвы. Либо разожгу для тебя костер ожидания в стране воинов.

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

— Хочешь, чтобы в твою честь пели у костров? — усмехнулся конунг. — Что ж, я принимаю твою кольчугу. Скажи об этом Старому.

Конунг брал кольчуги берсерков, Старый давал волшебный напиток. Об этом знал каждый воин, но не каждый намеревался стать вождем. Они мечтали о славе и женщинах, надеясь уцелеть, и припрятавали добычу. А юный Рюрик, отдав долю конунгу, никогда не забывал о Старом, оставляя себе только надежды. Он был нищ, над ним смеялись, но его богатством была эта надежда.

Старый финн жил в просторном шалаше отдельно от воинов, никогда не греясь у их костров, не распевая их песен и не участвуя в пирах. Он собирал травы и корни, варил зелье, лечил раненых и гадал по горящим листьям. Умел изгонять хворь и напускать порчу, и его боялись больше, чем самого конунга.

— Конунг принял мою кольчугу, Старый.

Это была единственная фраза, которую посвященный имел право сказать. Затем полагалось лишь отвечать на вопросы. Но Старый молчал, и Рюрик молчал, и так продолжалось долго.

— Берсерки никогда не становятся конунгами.

— О моих мыслях судить тебе, Старый.

Старый финн в упор смотрел на него. Остро, не мигая: Рюрик видел запавшие глаза сквозь космы длинных волос, которыми Старый всегда прикрывал лицо.

— Золото дает мне силы. Только золото. И чем больше его тяжесть, тем больше у меня сил.

Это не было вопросом, но требовало ответа. Рюрик понял, вынул меч и вонзил его в землю перед собой.

— Я принимаю твою клятву, и моя сила будет с тобой, если запомнил, от чего она зависит.

Рюрик молча положил руки на перекрестье меча. Его сила была в оружии.

— Ты веришь своему мечу?

— Он заменит мне кольчугу.

Из шалаша вышел молодой прислужник. Кроме этого пригожего юноши был еще безязыкий горбун медвежьей силы и ярости. Рюрик слышал, что юноши менялись каждый год, но горбун не знал ни замены, ни износа. Старый финн подождал, пока прислужник, вымыв в ручье миски, не скроется в шалаше. Потом сказал, понизив голос:

— Волшебный напиток дарует отвагу, но крадет расстояния. Иногда кажется, что враг дальше, иногда, что он совсем рядом. Говорю не тебе, а роднику своей силы. Родники могут только журчать. Ты понял меня?

ВЕЩИЙ ОЛЕГ

— Твой родник будет приносить тебе золото молча.

— Я принимаю и эту клятву. Волшебное питье пьют по очереди из одного кубка, который я заново наполняю до краев из священного сосуда. Не выказывай удивления, когда придет твоя очередь. Не сражайся славянским мечом: он длиннее и требует ясного сознания, а не бесстрашия берсерка.

Вскоре разведчики донесли о богатом торговом караване, который шел в озеро Нево*. Охрана была велика, предстояла битва, засаду выслали заранее, но берсеркам дали отдохнуть. В туманном сыром предраассвете их разбудили, долго вели низиной, и только боевой шлем конунга поблескивал впереди, в густом, как дым, тумане. А больше шлемов ни у кого не было. Ни шлемов, ни кольчуг, и даже мечи воины несли в руках. В тот день Рюрик стал берсерком, а ведь был ненамного старше Сигурда. Ненамного...

Остановились на низком топком берегу. За камышами ждали узкие легкие лодки, гребцы уже сидели на веслах. Берсерки проходили друг за другом, и Старый финн перед последним шагом протягивал каждому кубок. Когда настала очередь Рюрика, он принял кубок: на дне был ровно глоток, но он пил долго, будто сосуд был наполнен до краев....Рюрик улыбнулся: всегда лучше побеждать хитростью, а ту хитрость так никто и не разгадал. Он был берсерком, он много битв провел в одних кожаных штанах, но зелье не туманило мозг, а отвагу он черпал в себе, а не в кубке. Он стал не только конунгом дружины, но и князем славян и сегодня имел право выпить столько, сколько было нужно, чтобы вернуться в лучшие годы. Впереди его уже ничего не ожидало: все было в прошлом. Только в прошлом... Он протянул руку, но опять не успел взять кубок. Издалека донесся тяжкий звон: охрана била мечами в щиты, оповещая о неожиданных гостях. Потом залаяли собаки, и в избу вошел Сигурд.

— Послы Великого Новгорода, конунг.

— Убери кубок, зажги светильники.

Он не сменил домашнее корзно на парадное, не сбросил с ноющих колен меховую полсть и решил не вставать навстречу послам. Личная сила уходила из старого тела, рука уже ощущала тяжесть кубка, но Один вселил в него великий дух варяжских конунгов, и послы должны были увидеть и почувствовать мощь этого духа.

— Зови послов, Сигурд.

*Озеро Нево — древнее название Ладожского озера.

Послов было трое. Рослый боярин в богатой шубе, второй, пониже, в кольчуге, но без меча, и отрок с чем-то длинным, завернутым в старую рогожу. Все трое отбили поясные поклоны, коснувшись пола перстами.

— Великий князь Рюрик! — зычно провозгласил боярин, торжественно произнося каждое слово. — Господин Великий Новгород велел сказать, что подтверждает принесенную тебе роту* и желает тебе здоровья и долгих лет.

Это было обычное вступление, и Рюрик безмолвно ждал, что за ним последует. Опасность заключалась в рогожном свертке, который держал отрок; что в нем находилось, Рюрик мог только гадать, но сесть послам не предложил, потому что главное еще не прозвучало.

— Ты прекратил смуту, установил порядок и судил по справедливости. Великий Новгород помнит об этом, закрепив за тобой навечно право твоего княжеского полюдья для кормления дружины и положенную долю за то, что ты, князь Рюрик, вершишь справедливый суд. Твой боярин принимает сейчас наши дары.

«Главный дар — в старой рогоже, — подумал Рюрик. — Что же приготовил мне Великий Новгород?..»

— Меж тобой и нами никогда не стояли злые туманы. После того как ты подавил мятеж Вадима, Новгород не чинил препятствий и не устраивал заговоров. Ты охранял торговые пути и творил порядок. С глубокой печалью Новгород отмечает, что многое начало меняться. Аскольд захватил Киев, перерезал Днепр и забирает себе десятую часть товаров за пропуск цареградских гостей. Многие ромеи предпочли торговать с Киевом, Смоленск требует увеличить его долю за починку наших лодий, доходы Господина Великого Новгорода падают и будут падать.

Посол замолчал, давая Рюрику возможность ответить. Но князь тоже молчал, и, выждав, посол со значением повторил:

— И будут падать, князь Рюрик.

— Прошлой осенью я говорил вам, что доходы будут падать. Я просил увеличить дружину, нанять кривичей, финнов и русов для южного похода. Вы три дня спорили и отказали.

— Года опередили твои желания, князь. Не гневайся, но меч опирается о сильное плечо. Ты хотел послать воеводу, и мы знаем его имя. Олег из Старой Русы.

*Рота — обет, обещание, зарок.

ВЕЩИЙ ОЛЕГ

— Олег молод, отважен и умен.

— Олег — из племени русов, и Аскольд из племени русов.

— Это разные племена, боярин.

— Великий Новгород не может вручить свою судьбу русу, князь. Твою дружину должен вести выбранный нами воевода.

— Вот причина вашего посольства, — усмехнулся Рюрик. — Значит, вы решили забрать у меня дружину? Что ж, я готов отдать ее, если воеводой будет выбран Олег. Его отец был моим названным братом, Олег вырос в моих походах под сенью моего меча, и лучшего конунга вам не найти. Когда вскроются реки, Новгород наймет воев, вручит их Олегу и Олег приведет Аскольда в цепях. Днепр будет свободен, и никто не отнимет у Новгорода его доходов. Я, князь Рюрик, останусь княжить здесь с малой дружиной, а чтобы со мною не случилось беды, Новгород признает князем моего сына Игоря и до похода Олега принесет ему роту.

Он рисковал и понимал это. Он оттачивал хитрость всю жизнь, а меч — только перед боем. Но он не знал, что там, в рогоже, и хитрость пока помочь ему не могла.

Немного подумав, боярин требовательно протянул руку, и отрок почтительно вложил в его ладонь рогожный сверток. Боярин перехватил рогожу за концы, встряхнул, и к ногам Рюрика с глухим ржавым звоном упало отломанное лезвие меча. Зашумели воины у дверей, Сигурд рванулся вперед, но Рюрик жестом остановил всех.

— Поясни свой дар, боярин.

— Господин Великий Новгород никогда не принесет роту твоему сыну Игорю.

— Потому что он мал годами?

— Потому что он стар душой.

Послы торжественно отбили поклоны и степенно направились к дверям. И опять угрожающе заворчала стража, и опять Рюрик поднял руку и не опускал ее, пока послы не вышли.

— Проводить с честью.

Стража вслед за послами покинула княжескую избу. Донесся далекий возглас: «Проводить с честью!», удары мечей о щиты, и все стихло. Сигурд упал на колени возле кресла, осторожно положил ладонь на старческую руку.

— Почему ты стерпел оскорбление, конунг? Ты не хотел проливать кровь послов в своем доме, но позволь, и я с отроками нагоню их в пути!

«Какая горячая у него кровь, — думал Рюрик. — Он предан мне, как пес, потому что таким я вырастил его. Он будет предан Игорю,

БОРИС ВАСИЛЬЕВ

если... Если не узнает правды. У него очень сильная рука, и он убил сегодня пятого медведя...»

— Как они посмели сказать, что у твоего сына старая душа?

— Его мать умерла при родах. Я взял в кормилицы и няньки славянок. Я хотел, чтобы Игорь знал не только язык, но и обычаи славян, когда придет его черед править. Славянки умны и наблюдательны. Бойся славянок, Сигурд.

Он говорил, продолжая думать о сильной руке, что согревала его дряблую кожу. Сильная рука и горячая кровь — знак сильной души: как жаль, что Сигурд не его сын! И как будет трудно Игорю, если Сигурд когда-нибудь докопается до правды... Нет, этого не может быть, из Изборска никто не вышел живым, да и у Вадима Храброго не было детей. В этом клялся названный брат Ольбард, конунг северных русов и отец Олега. Клятва — великая сила, если нет другой силы. А сила есть, сила — в руке Сигурда. Жаль, Сигурд, очень жаль, но твой пятый медведь должен стать последним...

— Ты готов дать мне, твоему конунгу, клятву?

— С радостью, конунг.

— Это — трудная клятва, Сигурд. Очень трудная.

— Я готов, конунг.

— Тогда подбрось сухих дров в очаг и принеси бадью со снегом.

Он встал, когда юноша убежал за снегом. С трудом, упираясь ладонями в колени, разогнул ноющую спину, с трудом сделал несколько шагов. Но выпрямился, сам достал наполненный по его приказанию еще утром кубок, к которому так и не прикоснулся, и поставил его на стол. Что еще? Еще — меч. Его боевой меч, которым он опояшет Сигурда после клятвы. В утешение.

Он вдруг с удивлением обнаружил, что колеблется, что думает о Сигурде куда больше, чем о собственном сыне. Он никого никогда не любил — ни женщин, ни детей, даже своих собственных, — он не любил самого слова Любовь. Неужели он так привязался к Сигурду?.. Нет, иначе рухнет все, вся мечта и вся жизнь, иначе сын — его последний сын! — тоже отречется от отца, уйдет в вик*... Нет, не будет этого! Его сын наследует ему, его княжению, его славе...

Сигурд притащил полную бадью снега — чистого, рассыпчатого, от которого пахло юностью, и Рюрик почувствовал, как сжалось сердце. Нет, он не имел права на жалость: жалость расслабляет воина, и русы правильно делают, что возвращаются к семьям только

*Вик — наемник, наемная воинская служба; наемный наместник.